

текстов, никогда ранее не переводившихся на русский язык. Важную организационную роль он сыграл и в развитии отечественного кантоведения, одним из центров которого стал Калининградский университет, под эгидой которого выходил (и выходит) «Кантовский сборник» и проходят «Кантовские чтения». Мне не известны все детали, но я точно знаю, что В. А. Жучков, наряду с Л. А. Калининниковым и некоторыми московскими философами, был у истоков этого. Символично в этом плане, что бюст Канта, находящийся ныне в музее Канта в Калининграде, был привезен в этот город именно Владимиром Александровичем. Другие замечательные дела В. А. Жучкова не столь заметны, но, возможно, не менее важны. Я говорю, в частности, о его отношении к ученикам. Кажется, что для него не было пределов помощи. Он мог брать для них редкие книги из библиотеки, часами обсуждать их работы, искренне радоваться достижениям, беспокоиться за них. Уверен, что многие, кому, подобно мне, повезло общаться с Жучковым (а было время, когда почти каждый день я долго беседовал с ним по телефону и часто бывал у него), согласятся с моими словами. А значение его идей нам еще предстоит осознать.

*В. В. Васильев,
заведующий кафедрой зарубежной философии
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Абсолютный пиетет

Тридцать три года назад, везя из Ленинграда в Москву, в Институт философии АН СССР, свою кандидатскую диссертацию на отзыв ведущего учреждения, я и подозревать не мог, с каким удивительным человеком сведет меня и навсегда подружит интерес к Канту. Трудно поверить, что его больше нет, что нельзя приехать к нему в гости, услышать его голос... Тому, кто не был знаком с Владимиром Александровичем, невозможно представить себе уникальное обаяние его личности, усиленное контрастом с неказистой телесной оболочкой. С того далекого уже года началась наша дружба, и приезжая в столицу, я всегда останавливался у него. Это был гений общения, умный, пронизательный собеседник, доброжелательный, заботливый и гостеприимный. С ним всегда было интересно и как-то очень легко, я не помню ни одного момента, когда возникли бы какие-нибудь неловкость или напряжение. Он всегда оставался самим собой, был абсолютно естественным, открытым, откровенным, и высшая степень интеллигентности гармонировала с простотой и крепким словом. Но более всего поражало и восхищало меня то, что каждый раз, через несколько минут после встречи, как только на столе появлялась первая чашка кофе, начинался разговор о Канте. Владимир Александрович не любил обсуждать очередные новости, события и происшествия, мало говорил о людях (хотя изредка давал убийственно точные мгновенные характеристики известным персонам московского философского мира) — его интересовали идеи. Он говорил, я слушал, изредка вставляя реплики и подбрасывая дров в костер разговора. Характерно, что он мгновенно замолкал, как только заговаривал собеседник, и внимательно слушал. О Канте он мог говорить часами, с утра до вечера и за полночь, в любом состоянии. Он жил миром смыслов, и самым притягательным объектом в этом мире была для него интеллектуальная вселенная Канта. Я думаю, что нелюбимое мною слово «кантовед» или малопонятное и слегка уничижительное «кантианец» (стало быть, духовно

зависимый человек, как и «тегельянец», например) упускают нечто самое существенное в его отношении к Канту. Нет, он не был «кантоведом», хотя нет в России человека, знающего Канта лучше него. Кант не был для него лишь «предметом исследования» — он был для него живым человеком, постоянным собеседником. Не был Владимир Александрович и «кантианцем», сохранив свою духовную самостоятельность и критическое отношение к учителю, неоднократно выраженное в публичной печатной форме. Кантианцев в строгом и точном смысле слова, по его собственным словам, в мире не было, нет, и вряд ли они возможны вообще. Кантовская философия невероятно поучительна, но она учит, оставляя нас свободными. Умственная свобода и глубокая, самостоятельная внутренняя духовная работа, связанная с настоящей духовной жадью, не только не исключают, но необходимо предполагают то, что можно назвать абсолютным пиететом к высшему началу. Чувство, которое вызывают в душе абсолютная поэтическая гениальность Пушкина или музыкальная — Моцарта. Заблуждаются те, кто думает, будто лишь в отношении к Богу оно истинно и благотворно, а во всех иных случаях ведет к идолослужению. Это чувство испытывал Владимир Александрович, беря в руки тома сочинений Канта (кажется, он — единственный человек в России, у которого было практически полное академическое немецкое собрание сочинений Канта) — преклонение перед мыслью философского гения, бесконечное уважение к ней. Философия Канта обладала для него какой-то редкостной духовной притягательностью, вызвала особенное к ней отношение, напоминающее то «удивление и благоговение» которое испытывал сам Кант перед таинственной, бездонной глубиной звездного ночного неба, сознавая одновременно сверхчувственную силу собственной души. Сквозь тексты Канта просвечивала тайна, вечная загадка устройства мироздания и устройства человеческой жизни. Они вызвали у него чувство сопричастности чему-то великому и высокому, к некоему настоящему, сверхвременному духовному сообществу. Он испытал на себе удивительное, человеческое, облагораживающее и возвышающее воздействие кантовской философии на тех, кому посчастливилось с ней соприкоснуться и как следует вникнуть в нее. Я думаю, что в философии Канта он видел наиболее полное воплощение и обоснование мысли, высказанной как-то Владимиром Соловьёвым: интересы современной цивилизации — те, которых не было вчера и не будет завтра; позволительно предпочесть то, что одинаково важно в любое время. В этом, собственно, и состоит суть философии, а не в истолковании настоящего или предвосхищении будущего. С. С. Аверинцев дал как-то весьма нетривиальное определение филологической науки как «службы при тексте». Научная, да и личная жизнь Владимира Александровича во многом — настоящая «служба при Канте», которая, по сути, была верной службой при подлинной философии, службой, требующей не только ума и таланта, но и большой душевной силы, огромного и в высшей степени добросовестного труда, интеллектуальной честности перед собой и другими, а нередко — мужества и благородства. Эти человеческие качества, между прочим, определили и отношение Владимира Александровича к марксизму и советскому периоду в истории нашей страны. Он был человеком «одной крови» со своим университетским учителем В. Ф. Асмусом, разве что учитель тяготел к спокойной и систематической научной работе, академическому стилю преподавания, а ученик, кажется, больше любил философию как «сознание вслух». Не случайно одного лишь Мераба Константиновича (не считая, разумеется, Канта) он назвал при мне Философом. Несмотря на исключение из комсомола и университета по идеологическим мотивам и несокрушимые либе-

ральные убеждения, устоявшие даже после ельцинско-гайдаровской приватизации, он не был «диссидентом» и видел правду марксизма. Ему не было нужды быть «инакомыслящим», поскольку достаточно быть просто мыслящим, особенно имея перед мысленным взором вечное мерило истинной величины социальных и духовных явлений.

Двадцать с лишком лет назад я написал на обороте титульного листа своей первой книги: «Владимиру Александровичу — с абсолютным пиететом». Он прочитал, улыбнулся с хитрецей и сказал: «не сотвори себе кумира!» Я благодарен судьбе, подарившей мне знакомство и дружбу с этим светлым, умным, добрым человеком, и не собираюсь прощаться с ним. Войдя однажды в мою жизнь, он уже никуда из нее не уйдет.

*С. А. Чернов, д-р филос. наук, проф.,
заведующий кафедрой социально-политических наук
Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций
им. М. А. Бонч-Бруевича*

Когда философия Канта становится делом всей жизни...

Думаю, что не преувеличиваю таким образом значения исследования философской системы Канта в жизни и творчестве Владимира Александровича Жучкова. Во всяком случае, таково мое личное впечатление от бесед с ним и от тех его работ, с которыми я хорошо знаком с силу своего профессионального интереса к кантовско-неокантианской традиции трансцендентальной философии. Сразу хотел бы привести самые запоминающиеся его слова, которые я и сам теперь частенько воспроизвожу со ссылкой на Владимира Александровича, по поводу его оценки кантовского творчества. «Кант, — говорил мне В. А. Жучков, — однодум. Он постоянно размышляет об одном и том же. Поэтому его произведения многослойны. Его мысли постоянно вращаются вокруг одних и тех же тем: и в молодости, и в старости, и в периоды относительного вдохновения, и в периоды относительного творческого застоя и т. п. И не только произведения разных лет и разных форматов ведут между собой непрекращающийся диалог, но и идеи одного произведения всегда имеют очень глубокий контекст своего становления. Поэтому найти для любой идеи Канта в любом его произведении какой-то один смысл — работа чрезвычайной сложности».

Мое близкое знакомство с Владимиром Александровичем Жучковым состоялось в 2003 году, когда после первой российской конференции по философии Г. Когена (Саратов, 2002) я, будучи деканом философского факультета, пригласил его прочитать курс лекций по Канту. Ввиду его согласия у меня появилась возможность слушать и интенсивно общаться с ним в течение недели. Не буду долго описывать впечатление от его лекций, отмечу лишь одну бросившуюся в глаза деталь: Кант для В. А. Жучкова был живым собеседником и таким он его и представлял аудитории; при всем пиетете к величию Канта в изложении профессора Жучкова тот приобретал вполне конкретные человеческие черты, становился вполне земным человеком со своими слабостями, сомнениями и терзаниями. Великое и простое в Канте и его творчестве В. А. Жучков мог непротиворечиво представить, наверное, как никто другой. Запомнился и грустный итоговый наш разговор уже в купе поезда, который увозил его из Саратова назад в Москву. Я спросил его о книге по Канту, почему он ее никак не напишет и не